

Сидоркин Роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Закат Старой Москвы

Роман Сидоркин
Закат Старой Москвы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сидоркин Р. И.

Закат Старой Москвы / Р. И. Сидоркин — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Москва, наше время. Молодой человек из семейства потомственных интеллигентов, тронутых интеллектуальными штормами девяностых, пытается вырваться из колеи своей гладкой жизни. Для помощи в борьбе с его слабостями жизнь посылает ему сильную целеустремлённую девушку, которой молодой человек многим будет обязан, если победит в этой борьбе. Справится ли он? Содержит нецензурную брань.

Глава I

В пределах Садового кольца, на третьем этаже старого большого дома живёт юноша по имени Матвей. Происходит он из семьи потомственной научной интеллигенции, так что, казалось, его будущее, в некотором смысле, предопределено.

Матвей рос рафинированным мальчиком, так что, даже войдя в подростковый возраст, не особенно стремился бунтовать, а даже наоборот осуждал хулиганящих сверстников, используя при этом слова «современная молодёжь», будто бы не относясь к ней. Отчасти это следствие влияния семьи, а отчасти не по годам развитого сознания.

Отличником он при этом был с большой натяжкой. Никакой особенной тяги к учёбе не испытывал, а был скорее на «хорошем счету». Такая специфическая известность способна ввести в заблуждение некоторых учителей. И они посылали его на олимпиады – каждый уверенный в том, что их предмет – самый любимый.

В душе Матвею было наплевать на школу и на учителей, да и вообще на всё, но бунтовать он не смел. Не известно, по какой причине – просто считал это глупым или стеснялся, он и сам точно не знал. Конечно, со временем такое внешнее послушание стало привычкой и сильно отягчило ему жизнь.

В школьной жизни его не было. Был хороший мальчик Матвей, отвечал на уроках – ничем особенным не выделялся, не хулиганил и не хватал звёзд с неба. Глубоко внутри ему хотелось во что-то влиться, может даже похулиганить, оторваться со сверстниками, но странное сочетание природной лени и страха не вписаться в компанию не позволяли преодолеть барьер замкнутости. Молодой человек как будто плыл в море событий, но не мог повлиять на них, даже в мелочах. Поэтому, если он и оказывался в компании, то становился тем кто всегда появляется не к месту и говорит что-то не то.

Произошла и школьная любовь, но привычка пускать всё на самотёк и хроническое безволие похоронили и это светлое юношеское чувство.

Родители Матвея были профессорами: отец, Сергей Петрович – физик, мать, Валентина Петровна – лингвист. После Перестройки, как и многие интеллектуалы в России, они в поисках себя бросились в гущу новых веяний и идей. Не известно, кто оказался в более тяжёлом положении: простые безыдейные граждане или накрепко привязанные к душной советской парадигме интеллектуалы, захлебнувшиеся в водовороте новых граней самовыражения.

Отец предавался возлияниям в обнимку с книжками Алистера Кроули и прочей метафизикой, более консервативная мать увлеклась общественной жизнью, участвуя или возглавляя движения, вроде борцов за отмену языковой реформы большевиков или запрета inferнальной лексики.

Матвей в определённый момент оказался предоставлен сам себе. Он был окружён заботой и вниманием, но головы родителей были заняты не им. Он рос даже не с лозунгами, а под гнётом абсолютной уверенности, что вольётся в родительскую среду. Такая молчаливая убеждённость давит сильнее любого открытого давления – просто нечему противиться. Если открытому принуждению можно сказать «Нет», то, как возражать перманентному убеждению, как бы парящему в воздухе? Разговор в таком роде, только выставит его дураком перед самим же собой, но слов принуждения, которым можно сказать «Нет», он так и не услышит.

При таком раскладе остаётся одно: маргинальное декадентство с наркотиками и депрессивной музыкой, но Матвей считал это ниже себя, предпочитая уходить в себя.

Но это не значит, что наркотиков в его жизни не было. Напротив – он подсел на, пожалуй, ещё более опасный, чем традиционные наркотики способ забыться – компьютерные игры.

Матвей проводил там бессчётное количество часов, растворяя свою волю и сжигая эмоции в машине. Не сказать, что семье это было безразлично, но и особого значения увлечению сына они не придавали. Отец – потому, что был очень занят расширением сознания, а мать... «Ну, по крайней мере он на виду», – рассуждала она.

По мере того, как он всё больше привязывался к этому наркотику, его внимание и вкус к жизни слабели. Среди друзей и сверстников остались только те, кто разделял его виртуальные увлечения, и то, только в своих виртуальных ипостасях. Краем сознания он чувствовал, что идёт в неправильном направлении, что вся жизнь течёт за бортом его существования, но как туда вырулить и что такое это «туда», он не понимал.

Интерес к жизни молодого человека угас, не успев разгореться.

В итоге Матвей стал видеть в каждом сверстнике недоброжелателя и необоримого конкурента, не понимая мотивов окружающих и оттого подозревая в каждом злые намерения.

Каждый контакт с человеком, не только со сверстником, превратился в пытку и ожидание окончания диалога. Исключение, которое позже довёл до свержидеи, он сделал только для разговоров «по делу» – ведь он парень, а значит должен решать проблемы. При этом разговоры «ни о чём» он счёл ниже своего достоинства». Матвей превратил такой способ общения в фетиш, не понимая, что нормальное общение между людьми как раз и подразумевает обмен информацией, которая им в первую очередь интересна и только потом, в потоках лингвистических конструкций, может появиться что-то стоящее, ведущее к результату.

Но всё это частный случай неуважения ко всем людям, их неприятия и неприятия самой жизни. Также он относился и к родителям.

Матвей само собой ничего этого не осознавал. Изолированность от общества, может, в какой-то степени и даёт интеллектуально одарённому человеку возможность оценить общественные явления со стороны, но только под узким углом: человек просто не воспринимает информацию, которая уже не нашла отражения в его психике и потому остаётся глух к тому что видят глаза и слышат уши.

Закрытость и грубость по отношению к родителям стали нормой, но родители, приняв это за обыкновенный подростковый бунт, старались предоставить отпрыску как можно больше свобод, полагая себя продвинутой семьёй.

Из всех кружков, что посещал Матвей или по своему желанию, или по настоянию родителей, ни один не приносил ему удовлетворения и эмоционального выхода. Наоборот, не реализовав там личные амбиции, он чувствовал эмоциональные зажимы ещё сильнее, а комплексы становятся частью его личности.

Выхода из этого состояния он не видел и не искал. В конце концов, когда живёшь в выдуманном мире, устанавливаешь в нём свои законы и ничто внешнее не способно поколебать сложившиеся критерии оценки жизни.

Мысленно побеждая врагов и приписывая себе выдуманные достоинства, он успокаивался.

Нельзя сказать, что он совсем не учился, хотя часто лишь делал умное лицо, но это развитие было очень однобоким – сродни вращению древесных веток в собственный ствол.

Попади он в руки нормального психолога или просто в здоровую компанию, а последнее иногда случалось, и всё могло бы исправиться. Но где в средней российской школе начала двухтысячных можно встретить нормального психолога, или хотя бы саму должность? И кто возьмёт в компанию замкнутого молодого человека, с адским высокомерием во взгляде и неприятной способностью высказываться не к месту?

Так, однообразно, не смотря на косметические усилия родителей такие, как вывоз за границу, шло развитие молодого человека.

Чужая душа – потёмки, правда, но кто бы мог подумать, что столь юный человек, может быть таким закрытым и расчётливым, что, осознавая свои проблемы и пути их решения, он таился, вынашивая мстительные планы, которые впрочем, кроме его собственных нервов, никому вреда не наносили: он был просто неспособен приводить желаемое в исполнение.

Так проходили месяцы и даже годы. Молодой человек рос, но не менялся. Оставались прежними мотивы его поступков, его желания и потребности. Наверное, главная человеческая

черта – социальность, то есть потребность хоть по какому-нибудь поводу входить в контакт с другими людьми в нём почти омертвела. Не осталось ничего, что бы могло связать его с миром. Вокруг менялись люди, одноклассники, общественные события, но не Матвей. Он оставался прежним, но не как солнце, которое всегда греет землю, а как мёртворождённый, которому не суждено стать чем-то большим, чем просто материя.

Часто в нём просыпались какие-то смутные желания и устремления, но ничего, что могло бы зацепить его юное сознание всерьёз. Может в глубине души ему хотелось славы, часто он представлял, как спасает людей из пожаров, выручает девушек, которые попали в беду, за что его чествовали и любили. Но всё это было продолжением мира фантазий – ничего из этого он не мог реализовать. В конце концов, он просто плохо владел своим рыхлым телом.

Отдельным пунктом стояла его восприимчивость к женскому вниманию. Каждый раз, когда Матвей незаслуженно, то есть никак себя не проявив, оказывался в поле внимания девушки, внутри у него всё сжималось, что бесило – он желал попадать под чужое влияние и отказываться от своего маленького душевного мира.

Девушкам он был интресен: всегда хорошо одетый, задумчивый парень с голубыми глазами, которые всегда были как-то застенчиво опущены, вполне мог подходить на роль романтического мечтателя в их глазах. Матвей интересовал девушек, причём девушек, что составляли элиту коллективов, где он иногда оказывался. По причине неспособности выражать мысли в присутствии других, а тем более противоположного пола, Матвей невольно брал на себя роль недоступного парня: а-ля герой из японских комиксов, картинным жестом поправляющий очки, и отвергающий девчонок из-за их неинтересности. Но это было совсем не так, и он отлично это понимал.

Матвей не боялся людей, но напрягался в их присутствии, все его эмоции были зажаты и оттого он становился неприятен.

В каждом мужчине молодой человек видел соперника, но ничего не мог с этим сделать, кроме глупого кривляния: примера мужественного поведения ему никто не подал.

Внутренне молодой человек стремился к свободе, но ничто во внешнем мире не могло её дать.

Глава II

Возвращаясь летним вечером домой с какого-то кружка, Матвей решил сократить обычный путь и свернул в небольшой кирпичный переулок. Проходя под аркой, и распутывая провода наушников, он не обращал внимания на окружающую обстановку. Не прошло минуты, как до его слуха долетел смех – Матвей поднял голову. Перед ним стояло четверо парней, одетых в спортивные костюмы, с засунутыми в карманы руками и наглыми улыбками.

Один из парней крикнул:

– Эй, кудрявый, что встал-то? Иди сюда.

– Иди сюда, кому говорю! – после короткой паузы прибавил парень, изображая злость.

Матвей сделал несколько шагов, а потом подумал: «Что я делаю?» Его взяло бешенство: каждая клетка в теле дрожала, а сознание сузилось до одной белой точки, которая сходилась на лице крикуна.

Он бросил сумку и кинулся на стоявшие впереди фигуры. От неожиданности парни не успели среагировать и первый, призывно кричавший, получил удар в лицо.

– Блядь, да он, сука, бешеный! – заорал один.

Потом они окружили его и сбили с ног.

Били они его долго, до той степени, когда уже есть риск забить человека до смерти.

Потом один из них произнёс:

– Всё, хорош, хорош, пацаны! Пошли отсюда, пусть лежит тут.

...

Придя в себя в больнице, Матвей сразу ощутил болезненное чувство, которое испытывает любой мужчина, проигравший в драке. Что-то неприятное, живое царапало внутренности, и из глаз у него покатились слёзы. Нет ничего отвратительней, чем осознавать свой проигрыш и не иметь возможности отыграться. Потом до его сознания докатилась боль, и Матвей беззвучно заплакал. Кулаки его сжались, а конвульсирующее в рыданиях тело отзывалось сильной болью.

Через несколько часов в палату вошла мать. Вместе с ней вошли ароматы разных духов, как будто она прибыла из тесного помещения с множеством людей. У Матвея возникло ощущение, что она его навещает по долгу материнства. Валентина Петровна, сразу заметила его слёзы и принялась причитать, как будто выученным наизусть книжным монологом:

– Ну что же ты шляешься по подворотням? Ты же знаешь, что там опасно, что там могут быть хулиганы, зачем ты туда пошёл?!

– Мам, я хотел...

– Нет, конечно, ты уже большой, почти взрослый юноша, но пожалей нас с отцом!

– ... срезать дорогу, это...

– Я с собрания общества «Моя любимая Россия» к тебе приехала! Ну, уж заставил ты нас попереживать!

– ... нормально. Люди сокращают дорогу при возможности, не думать же постоянно, что за поворотом стоит какой-нибудь придурок.

– Конечно, ты прав, но всё-таки стоит быть осторожным. Как ты себя чувствуешь?

– Примерно так же, как выгляжу, – с сарказмом ответил Матвей.

Но мать, похоже, этого не заметила.

– Я скажу доктору, чтобы дал тебе болеутоляющее.

– Ага.

– Не беспокойся, полиция найдёт этих негодяев.

– Мам, московскую полицию набирают из провинциалов, у них самих почти маргинальный тип мышления – для них это будни. Наше правительство специально...

– Дорогой, мне надо идти. Там будет выступать профессор Никулин, в прошлый раз он предсказал, что через полгода Россию развалят на семь частей, а профессор Агарков потребовал от него доказательств. Сегодня он должен их представить. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Ладно, пока, сынок. Вечером к тебе заедет отец...

– Попроси, чтобы не заезжал.

– Он позвонит тебе, и вы с ним договоритесь.

– Мам, пока.

– Пока, Матюша.

– Не называй меня так, в который раз прошу!

– Ой, не будь таким серьёзным, ты же ещё такой молодой. Я поехала. Если что-нибудь будет нужно, звони мне или папе.

«Бляааа», – произнёс Матвей, когда дверь захлопнулась. Рука дёрнулась, чтобы сделать фейспалм, но тут же опустилась из-за боли, пронзившей мышцы.

Последними мыслями, прежде чем он отключился, были фантазии о том, как он побеждает ублюдков и лёгкое сожаление, что он так далёк от своей семьи.

Всё последующее время выздоровления он провалился один, испытывая глубокое чувство фрустрации. Что-то внутри, что обычно спало в нём, успокоенное мирной жизнью и компьютерными играми, пыталось прорваться наружу.

Часто приходили размышления о своей никчёмности.

Но ни разу он не вспомнил о родителях или о чём-то таком, что у человека должно вызывать теплые чувства. Ни разу он не обиделся на отца или мать за то, что они почти не навещали его. А в продолжение их редких визитов ему хотелось поскорей от них отделаться.

В это же время он увидел, что не такая это уж и зависимость – компьютерные игры, если разобраться. Он просто направлял туда энергию, не имея другой возможности дотянуться до окружающего мира, но сейчас, когда жизнь функционально связала его с докторами и медсёстрами, когда у него был живой контакт, играть совершенно не хотелось. Наоборот – было желание что-то читать и развиваться.

И он читал.

Однажды ночью, читая с поднятым над головой одеялом, чтобы не увидели хамоватые дежурные медсёстры, он добрался до места в романе Достоевского «Бесы», где персонаж Кириллов убивает себя выстрелом в голову. Перед этим Кириллов разговаривал со своими товарищами и в разговоре заметил, что подумывает заниматься литературой. В этот момент тело Матвея пронзил электрический разряд. Литература. Вот, чем ему стоит заняться!

Мозг молодого человека тут же затмился роем мыслей о литературной славе, пьедесталах и прочем таком, что туманит разум фрустрированного человека, который ещё не рессентимент – раз сохранил способность мечтать, пусть о тщеславном, но о хорошем. Это не он выбрал литературу, а она его, рассудил Матвей. Но потом вспомнил клоунов из телевизора, несущих метафизическую чушь о магии искусства и других видах магии, чего терпеть не мог. Собрав волю, Матвей отбросил эти привлекательные образы, как не хотелось ему ещё помечтать и стал вспоминать детство: а были ли у него когда-нибудь литературные наклонности?

Вспомнились школьные сочинения, а также то, что в средних школах почему-то принято называть эссе, о которых учительница запросто может сказать, что оно «неправильно». Тогда всё было гладко: он получал 4-5, но никто никогда не говорил, что вещи очень хороши. Хотя он вообще не мог припомнить, чтобы их учителя русского и литературы хоть кому-то это говорили.

Матвей попытался самостоятельно оценить свой потенциал. Да, писать в школе ему нравилось. Не так нравилось, как если бы его хвалили, но он помнил, что ему всегда хотелось написать больше, чем позволяло время. Эта мысль вселяла надежду, что он просто не знал о своём потенциале. Затем он вспомнил о том, как он написал эротический рассказ для одной девушки. Впоследствии он давал почитать этот рассказ и другим людям, и каждый сказал что-то ободряюще. Из этого Матвей сделал вывод, что рассказ был не так уж плох, а факт, что он использовал текст, чтобы выразить свои чувства к той особе, просто вознёс его до небес – ведь если он выбрал именно этот способ самовыражения неосознанно.

Под такие рассуждения Матвей заснул крепким сном эгоцентричного домашнего мальчишки, впервые утрудившего себя принятием важных решений.

Глава III

Выписавшись из больницы, Матвей вернулся к рутине будней. Каждый день был похож на предыдущий. Приятные открытия продолжали кружить голову, но никаких шагов к реализации мечты на практике Матвей не предпринял. Он просто окунулся в привычное болото уже известных ролевых моделей и привычек.

Тем временем шёл второй год обучения в колледже при гуманитарном университете – Матвей шёл по стопам матери. Нельзя сказать, что его там не знали или не уважали, но всё-таки молодой человек чувствовал, что может больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.